

Почтительность

Хайруллин Айрат

Айрат Хайруллин

Почтительность

«Автор»

2026

Хайруллин А. А.

Почтительность / А. А. Хайруллин — «Автор», 2026

Что, если почтительность — это не долг, а искусство быть слабым? Герой этого рассказа годами отгораживается от материнской заботы: не берёт трубку, скрывает проблемы, отвергает помощь. Он боится стать «плохим сыном», не справившись в одиночку. Но однажды понимает: его гордость крадёт у матери последнее — право чувствовать себя нужной. Тонкая, болезненная и невероятно честная история о том, как любовь становится полем битвы между поколениями. Где грань между заботой и контролем? И зачем мы отказываемся от помощи тех, чья тревога о нас переживёт их самих?

© Хайруллин А. А., 2026

© Автор, 2026

Айрат Хайруллин

Почтительность

Мать позвонила в среду, когда я стоял в очереди в аптеку за жаропонижающим для Маши – температура под сорок, ангина. Я не взял трубку. Потом забыл перезвонить – не то, чтобы совсем забыл, просто отложил на потом, а потом наступило это самое потом, когда звонить уже поздно, потому что она спит, а будить старого человека из-за того, что ты, взрослый мужик, забыл позвонить днём – это как-то совсем уж.

Потом был четверг с дедлайнами по статьям в провинциальную газету, где мне платят копейки за колонку о местной культуре. Редактор – пенсионер ещё советской школы, лет шестидесяти пяти – всегда правит мои тексты красной ручкой, вычёркивая любые попытки иронии: «Читатель не поймёт».

В субботу мать позвонила снова.

– Ты что, помер? – спросила она без приветствия, и в этом вопросе был весь её жизненный опыт последних тридцати лет, вся эта эпоха, когда люди действительно умирали внезапно – то ли от инфаркта в сорок пять, то ли от пули в подъезде, то ли просто пропадали.

– Живой, – сказал я, и это прозвучало почти как оправдание. – Маша болела.

– Как болела? – Пауза была короткой, но я успел расслышать в ней целую симфонию материнской тревоги – от *pianissimo* «может, ерунда» до *fortissimo* «сейчас скажет, что в реанимации». – Что с ней?

– Ангина. Уже лучше.

Я слышал, как она дышит. Представил её на кухне в том доме, где вырос – та же клеёнка на столе с выцветшим рисунком каких-то фантастических фруктов, которые никогда не росли в природе, те же занавески, которым лет сто.

– Тебе надо было позвонить, – сказала она наконец, и это был не упрёк даже, а констатация факта, вроде «на улице дождь». – Я бы приехала. Помогла бы.

Здесь и начинается та тонкая игра, которую ведут взрослые дети со своими родителями. Потому что, если я позволю ей приехать один раз – просто так, по доброй воле – это будет означать капитуляцию. Это будет значить, что я признал: не справляюсь. А если не справляюсь с ангиной у ребёнка, то не справлюсь и с жизнью вообще.

Я знаю, что будет, если она приедет. Трёхдневная осада – нет, не осада, скорее тихая оккупация, когда территория переходит под новую власть незаметно, через мелкие жесты. Она приготовит суп – огромную кастрюлю, которой хватит на месяц, причём такого супа, который Маша не ест. Мать будет причитать над внучкой – не громко, не театрально, просто этим монотонным голосом, от которого через час хочется выть. Она найдёт беспорядок там, где его нет, и наведёт порядок там, где он был. И в конце обязательно скажет что-нибудь про то, что мне пора жениться, потому что одному ребёнку не вытянуть.

– Мам, мы справились, – говорю я. – Спасибо. Правда, всё в порядке.

Пауза. Длинная, неловкая.

– Ты хоть нормально ешь? – спрашивает она.

В советской культуре – нет, в российской, но советский период её кристаллизовал и довёл до абсолюта – есть такая штука: забота через еду. Моя мать принадлежит к поколению, для которого накормить – единственный способ доказать любовь. Она родилась в пятьдесят третьем, в год смерти Сталина, когда страна только начинала отходить от голода послевоенных лет.

Её мать, моя бабушка Зина, пережила войну в эвакуации в Поволжье. Она рассказывала, как выменивала у татар мамины серьги на мешок картошки, как варили супы из лебеды, как дети умирали от дизентерии прямо в соседних комнатах общаги. Для бабушки каждый приём пищи до конца жизни оставался маленькой победой над смертью – не метафорически, а бук-

вально. Когда она приезжала к нам в гости, всегда привозила еду: пироги, котлеты, трёхлитровые банки с вареньем. Не могла просто приехать. Должна была приехать с провизией, хотя был девяносто второй год, и в магазинах уже появилось всё что угодно.

Я помню, как она следила, чтобы я съедал всё до последней крошки. «Доедай кашу – вырастешь сильным». «Не бросай хлеб – это грех». Грех перед кем? Перед теми, кто умер от голода? Я тогда не понимал. Сейчас понимаю.

Мать восприняла эту модель как закон природы. Если я отказывался есть, это считалось личным оскорблением. Она не кричала – она просто смотрела с такой обидой, что хотелось съесть эту проклятую котлету, лишь бы не видеть этих глаз.

Теперь, когда воспитываю Машу одиннадцать лет – после развода, после всей этой истории с Катей, которая решила, что материнство не для неё и улетела в Прагу учить чешский – стараюсь не повторять этих ошибок. Не заставляю дочь доедать. Но иногда ловлю себя на том, что начинаю беспокоиться, когда она ест мало. Это передаётся через поколения, как цвет глаз. Этот страх, что твой ребёнок голоден, что с ним что-то не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.